

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№5 (114) 2016

Муниципальная реформа: вперёд в прошлое?

**Муниципальный омбудсмен: расширение гарантий
или бюрократизация местного самоуправления?**

Верховенство «живой» конституции: иллюзии и реальность

Туда и обратно: реформа правосудия в Сербии

Сколько религии может позволить себе государство

**Двадцать лет спустя: юристы и политологи
о конституционном развитии России**

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 5 (114) 2016

Учредитель и издатель

Институт права и публичной политики
http://www.ilpp.ru

Редакционный совет

А. С. АВТОНОМОВ, д.ю.н., профессор
А. БЛАНКЕНАГЕЛЬ, Dr. jur. habil., профессор
Н. А. БОГДАНОВА, д.ю.н., доцент
А. Е. ВАШКЕВИЧ, к.ю.н., доцент
Е. В. ГРИЦЕНКО, д.ю.н., профессор
А. В. ДОЛЖИКОВ, к.ю.н., доцент
Л. О. ИВАНОВ, к.ю.н.
И. П. КЕНЕНОВА, к.ю.н., доцент
А. И. КОВЛЕР, д.ю.н., профессор
М. А. КРАСНОВ, д.ю.н., профессор
А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ, д.ф.н., профессор
Р. УИТЦ, LL.M., S.J.D., профессор
С. ХОЛМС, Ph.D. in Law, профессор
А. ШАЙО, Ph.D. in Law, профессор, академик

Редакционная коллегия

А. А. ДЖАГАРЯН, д.ю.н.
Г. В. ДИКОВ
С. С. ЗАЙКИН, к.ю.н.
О. Н. КРЯЖКОВА, к.ю.н., доцент
Т. М. ХРАМОВА, LL.M., к.ю.н.
Д. Г. ШУСТРОВ, к.ю.н.

Главный редактор

О. Б. СИДОРОВИЧ, MBA (in P.S.)

Заместители главного редактора

А. Г. РУМЯНЦЕВ, LL.M., Dr. jur.
А. А. ТРОИЦКАЯ, к.ю.н., доцент

Корректор

Т. Ю. Лобкова

Выпускающий редактор

Р. В. Золотарёв

Редактор

Л. А. Могусева

Ответственный секретарь

А. С. Урошлева

Компьютерная верстка

В. Б. Сидорович

Издаётся при спонсорской поддержке
Юридической компании

КАМЕНСКАЯ & ПАРТНЁРЫ.

СИНЕРГИЯ УСПЕХА

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-62147 от 19 июня 2015 года
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Тираж 500 экз. Периодичность — 6 номеров в год.

ISSN 1812-7126. Цена свободная.

Подписано в печать 28 октября 2016 года.

Адрес редакции: 129090 Москва, ул. Щепкина, д. 8.

Для корреспонденции: 129090 Москва, а/я 140.

Тел.: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35. Факс: +7 (495) 608-69-15.

Отпечатано: ООО «Буки Веди»

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1А

Позиции авторов статей могут не совпадать с мнением редакции.

При цитировании материалов ссылка на журнал и правообладателя обязательна.

Перепечатка разрешена только с письменного согласия правообладателя.

© Институт права и публичной политики, 2016

МОНИТОРИНГ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОВОСТЕЙ

АВГУСТ – СЕНТЯБРЬ • 2016

4

Австралия, Азербайджан, Белоруссия, Бразилия, Израиль, Польша,
Россия, США, Таиланд, Туркменистан, Украина, Швейцария

В ФОКУСЕ: НОВЫЙ ВИТОК МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЛАБИРИНТ МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ:

КОНСТИТУЦИОННО-СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

КАК ОСНОВА ДЛЯ ПОИСКА ВЫХОДОВ

14

Армен Джагарян, Наталья Джагарян

МУНИЦИПАЛЬНАЯ РЕФОРМА В ФОКУСЕ РЕШЕНИЙ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ:

НОВОЕ В МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ

И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ

43

Елена Гриценко

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ОМБУДСМЕН: ДВА ВЗГЛЯДА

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ОМБУДСМЕН:

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ В РОССИИ

72

Сергей Кабышев

КОНТРОЛЬ НАД ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ

СО СТОРОНЫ ИНСТИТУТА ОМБУДСМЕНОВ:

ОПЫТ КАНАДЫ И ЕГО ПРИМЕНИМОСТЬ

В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

83

Александр Ларичев

ДИАЛЕКТИКА СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

«ЖИВОЙ» СУД ДЛЯ «ЖИВОГО» ПРАВА:

КОНСТИТУЦИОННАЯ ТРАНЗИТОЛОГИЯ

И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СДЕРЖКИ И ПРОТИВОВЕСЫ

97

Роберто Тониатти

МИФ О СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ В СЕРБИИ

Виолета Беширевич

105

ПРАВО И РЕЛИГИЯ

ПРОЦЕССЫ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ И КЛЕРИКАЛИЗАЦИИ

117

В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:

ПОИСКИ КОНСТИТУЦИОННОГО БАЛАНСА

Ирина Алебастрова

РЕЦЕНЗИЯ

РОССИЙСКИЕ АВТОРЫ О ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТИЯХ РЕФОРМ,

137

КОНСТИТУЦИОННОМ КРИЗИСЕ И МОДЕРНИЗАЦИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ

МЕДУШЕВСКИЙ А. Н. КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ:

КУРС ЛЕКЦИЙ. М.: ДИРЕКТ-МЕДИА, 2014

ПИВОВАРОВ Ю. С. РУССКОЕ НАСТОЯЩЕЕ И СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ. М.; СПб:

ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИНИЦИАТИВ; УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА, 2014

ЛАПАЕВА В. В. ПРАВО И ПОЛИТИКА. М.: РАП, 2009

Илья Шаблинский

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

ОБЗОР ПОСТАНОВЛЕНИЙ, ВЫНЕСЕННЫХ

148

КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОКТАБРЬ • 2016

COMPARATIVE CONSTITUTIONAL REVIEW

5 (114) • 2016

Founder and Publisher

Institute for Law and Public Policy
http://www.ilpp.ru

Scientific Advisory Board

A. AVTONOMOV, Dr. of Sc. in Law, Professor
A. BLANKENAGEL, Dr. jur. habil., Professor
N. BOGDANOVA, Dr. of Sc. in Law, Associate Professor
A. DOLZHIKOV, Ph.D. in Law, Associate Professor
E. GRITSENKO, Dr. of Sc. in Law, Professor
S. HOLMES, Ph.D. in Law, Professor
L. IVANOV, Ph.D. in Law
I. KENENOVA, Ph.D. in Law, Associate Professor
A. KÖVLER, Dr. of Sc. in Law, Professor
M. KRASNOV, Dr. of Sc. in Law, Professor
A. MEDUSHEVSKY, Dr. of Sc. in Phil., Professor
A. SAJO, Ph.D. in Law, Professor, Academician
R. UITZ, LL.M., S.J.D., Professor
A. VASHKEVICH, Ph.D. in Law, Associate Professor

Board of Editors

G. DIKOV
A. DZHAGARYAN, Dr. of Sc. in Law
T. KHRAMOVA, LL.M., Ph.D. in Law
O. KRYAZHKOVA, Ph.D. in Law, Associate Professor
D. SHUSTROV, Ph.D. in Law
S. ZAIKIN, Ph.D. in Law

Editor-in-Chief

O. SIDOROVICH, MBA (in PS.)

Co-Editors-in-Chief

A. RUMYANTSEV, LL.M., Dr. jur.
A. TROITSKAYA, Ph.D. in Law, Associate Professor

Managing Editor

R. ZOLOTAREV

Editor

L. MOGUSEVA

Editorial Secretary

A. UROSHLEVA

Published under the sponsorship of the
Law firm "Kamenskaya & Partners"

ISSN 1812-7126

Address: 8, Shchepkin Str., Moscow, 129090, Russian Federation
Mailing Address: P. O. Box 140, Moscow, 129090, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35
Fax: +7 (495) 608-69-15
E-mail: ilpp-ccr@mail.ru
http://www.ilpp.ru/journal/sko/

© Institute for Law and Public Policy, 2016

CONSTITUTIONAL WATCH

AUGUST – SEPTEMBER • 2016

4

Australia, Azerbaijan, Belarus, Brazil, Israel, Poland, Russia, Switzerland, Thailand, Turkmenistan, Ukraine, USA

FOCUS: EXPECTED TURN IN MUNICIPAL REFORM?

**THE MIRROR LABYRINTH OF MUNICIPAL REFORM:
THE CONSTITUTIONAL COURT PRACTICE
AS A WAY-FINDER THROUGH A MAZE** 14
Armen Dzhagaryan, Natalia Dzhagaryan

**THE MUNICIPAL REFORM IN THE FOCUS
OF THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL COURT:
NEW SUBSTANTIVE AND PROCEDURAL APPROACHES** 43
Elena Gritsenko

MUNICIPAL OMBUDSMAN: NEW ANGLE

**MUNICIPAL OMBUDSMAN:
INTERNATIONAL EXPERIENCE AND ITS RECEPTION IN RUSSIA** 72
Sergey Kabyshev

**OMBUDSPERSONS' CONTROL OVER MUNICIPAL AUTHORITIES:
THE CANADIAN EXPERIENCE AND ITS APPLICABILITY IN RUSSIA** 83
Aleksandr Larichev

DIALECTICS OF JUDICIAL CONSTITUTIONALISM

**A LIVING JUDICIARY FOR A LIVING LAW:
CONSTITUTIONAL TRANSITIONS
AND GOVERNMENTAL CHECKS AND BALANCES** 97
Roberto Toniatti

THE MYTH OF JUDICIAL REFORM IN SERBIA 105
Violeta Beširević

LAW AND RELIGION

**THE PROCESSES OF SECULARIZATION
AND CLERICALIZATION IN THE MODERN WORLD:
SEEKING FOR A CONSTITUTIONAL BALANCE** 117
Irina Alebastrova

BOOK REVIEW

**RUSSIAN AUTHORS ABOUT TWO DECADES OF REFORMS,
CONSTITUTIONAL CRISIS AND MODERNIZATION** 137
REVIEW OF

MEDUSHEVSKY A. KLYUCHEVYE PROBLEMY ROSSIYSKOY MODERNIZATSII: KURS LEKTSIY [KEY PROBLEMS OF RUSSIAN MODERNIZATION. LECTURE COURSE]. MOSCOW: DIREKT-MEDIA, 2014
PIVOVAROV YU. RUSSKOE NASTOYASHCHEE I SOVETSKOE PROSHLOE [RUSSIAN PRESENT AND SOVIET PAST]. MOSCOW; SAINT PETERSBURG: TSENTR GUMANITARNYKH ISSLEDOVANIY; UNIVERSITETSKAYA KNIGA, 2014
LAPAEVA V. PRAVO I POLITIKA [LAW AND POLITICS]. MOSCOW: RAP, 2009

Iliya Shablinsky

IN THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL COURT

**REVIEW OF JUDGEMENTS
OF THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL COURT** 148
OCTOBER • 2016

РЕЦЕНЗИЯ

Российские авторы о двух десятилетиях реформ, конституционном кризисе и модернизации

Илья Шаблинский*

Медушевский А. Н. Ключевые проблемы российской модернизации: Курс лекций. М. : Директ-Медиа, 2014;

Пивоваров Ю. С. Русское настоящее и советское прошлое. М. ; СПб : Центр гуманитарных инициатив ; Университетская книга, 2014;

Лапаева В. В. Право и политика. М. : РАП, 2009.

Статья включает в себя обзор ряда крупных исследований, вышедших в России в последние пять лет и посвящённых проблемам эволюции политического режима и модернизации правовой системы. Объект анализа – размышления российских авторов о причинах и сущности демократизации при Горбачеве, распада Союза ССР, эволюции политического режима в Российской Федерации. Подробно разбираются особенности развития ряда политических и правовых институтов в России в последние два десятилетия. Автор статьи заключает, что в исследованиях дан, таким образом, полный и честный анализ причин частичной неудачи модернизации, политической и правовой реформы в России. Конституционный кризис, переживаемый сейчас российским государством, – это кризис разрыва между конституционными ограничениями и стремлением правящей в России группы к неограниченной и неконтролируемой власти. Стремление уйти от общепринятых правовых стандартов, от общепризнанных принципов и норм международного права к изоляции означает уход от правового государства к полицейскому. Альтернативой модернизации правовой системы является авторитаризм и автаркия. Одним из новых, вводимых авторами исследуемых работ понятий является «властесобственность» – соединение политического контроля с контролем над крупными объектами собственности. Фактически это явление подрывает основы рыночной экономики, сводит на нет правовые гарантии собственности. Незащищённость прав означает незащищённость и права собственности. На самом деле, одними из важнейших факторов кризиса стали постепенное ухудшение делового климата в стране, ослабление (или даже исчезновение) судебных гарантий от произвола силовых структур.

→ *Модернизация; реформа; демократизация; права человека; частная собственность; политический режим*

DOI: 10.21128/1812-7126-2016-5-137-147

Кризис, обозначившийся примерно в 2013–2014 годах в развитии российской экономики и российского государства, имеет многообразные проявления. Прежде всего, речь должна идти о неэффективности инструментов защиты основных прав – от свободы слова и массовой информации до права собственности и неприкосновенности частной жизни, а также о слабости и зависимости ряда важных

институтов, в частности судов и законодательных органов власти. Недостаточная защищённость прав, в частности права собственности, стала в итоге сказываться на инвестиционном климате.

Споры об этом неизбежно затрагивали вопрос об успешности реформ последних десятилетий, иными словами, об успешности российской модернизации. В связи с этим актуальными представляются исследования, пытающиеся осмыслить российский опыт реформирования государства, включая последний этап, связанный с Конституцией 1993 года и формированием на её основе нового кон-

* *Шаблинский Илья Георгиевич* – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права НИУ «Высшая школа экономики» (e-mail: ishablin@yandex.ru).

ституционализма¹. Выбор работ для анализа тенденции или направления в современной русской мысли, безусловно, предмет субъективного решения, субъективного отношения к данной теме. На наш взгляд, именно тем авторам, о которых речь пойдёт ниже, удалось рассмотреть в рамках монографической формы достаточно широкий круг вопросов, связанных с формированием современного политического режима, с соотношением власти и собственности, а также дать на эти вопросы убедительные ответы.

Думается, мы просто нуждаемся в таких обобщающих исследованиях именно сейчас, когда процесс выстраивания правового государства, кажется, зашёл в тупик.

Обозначим вопросы, которые оказались в центре внимания этих работ.

Первый: особенности и типы российских реформ, связанных с различными историческими эпохами.

Второй: демократизация при Горбачеве в конце 1980-х годов и распад Союза ССР как события, предопределившие логику и смысл последней по времени волны реформ. Наследование Российской Федерацией ряда институтов, укоренившихся при РСФСР и ранее — в период Империи и даже в допетровскую эпоху.

Третий, ключевой, по сути дела, вопрос: почему очередная попытка построения основ правового государства в России фактически закончилась неудачей?

Наконец, последнее: каковы важнейшие правовые условия модернизации в нашей стране?

1. 0 типах реформ и модернизаций

Термины «модернизация» и «проблемы модернизации», используемые для обозначения проблемного поля, представляются тут наиболее приемлемыми. Они ассоциируются с известной социальной теорией, возникшей в середине XX века². Эта теория в какой-то ме-

ре была обусловлена стремлением потеснить марксистскую доктрину, поставить под сомнение марксистскую идеологию развития. Для России преодоление, избывание этой идеологии (а точнее, одной из её вульгаризированных версий) и связанного с ней стремления к идеологическому изоляционизму на международной арене оказалось тягостной, долгосрочной задачей.

Андрей Медушевский напоминает: «Классическая теория модернизации, созданная в 50–60-е годы XX века американскими социологами, историками и экономистами в качестве ответа на вызов марксизма, стремилась обобщить параметры трансформации традиционного общества в новое и новейшее время. Модернизация поэтому выступала как линейный процесс, инициированный из единого центра (отождествление модернизации и европеизации), связанный в основном с экономическими и технологическими изменениями...»³

Добавим: и изменениями в правовой и политической системах. Модернизация в этих сферах означала равенство граждан как субъектов гражданских правоотношений, вообще их равенство перед законом, признание государством ряда фундаментальных прав и свобод личности (с допустимыми их ограничениями, соответствующими национальным и правовым системам), защиту этих прав посредством судов, независимых от администраций, выборность и сменяемость власти

направлением в архитектуре и живописи второй половины XIX века. Для стиля «модерн» (или «модернизм») в архитектуре было характерно использование новых технологий, новых дерзких решений. Принято было также связывать этот стиль со стремлением художников и архитекторов к естественным, природным линиям. При этом критики нередко говорили об отрыве модернизма от национальных корней, от традиций. Распространение стиля «модерн» стало одной из истинных общемировых, глобальных тенденций в мире искусства. Напротив, термином «постмодернизм» стало принято (примерно с 60-х годов XX века) обозначать частичный возврат к традициям, национальным корням и, во всяком случае, отказ от некоторых ценностей, связанных с «европоцентристской» картиной мира. Вряд ли тут можно говорить о явной корреляции с миром правовых явлений, но всё же влияние мира искусства на все иные сферы жизни отрицать нельзя. Дихотомией «модерн — постмодерн» пользуются и правоведы.

¹ См.: Медушевский А. Н. Ключевые проблемы российской модернизации : курс лекций. М. : Директ-Медиа, 2014; Пивоваров Ю. С. Русское настоящее и советское прошлое. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив ; Университетская книга, 2014; Лапаева В. В. Право и политика. М. : РАП, 2009.

² Ещё одна ассоциация, возникающая в связи с данными терминами, может быть связана с тенденцией или

³ Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 5.

(также с учётом специфики национальных законодательств) и многое другое.

В российском опыте важное место занимают попытки осуществить техническое перевооружение, технологическую модернизацию методами внеправового принуждения — попросту жестокого насилия. Речь идёт о попытках модернизации в условиях всеобщего бесправия. И это, может быть, одна из самых важных русских тем.

Были, впрочем, как известно, и волны реформ, связанных с созданием правовой основы обновляющейся экономики, с правовой реформой.

А. Медушевский в связи с этим (напоминая о близости или даже равнозначности в данном контексте понятий «модернизация» и «реформа») выделяет три модели российских реформ. Им соответствуют и три реформационных периода: «петровский» с его опорой на принуждение и грубо административные методы; пореформенный, связанный с вовлечением в общественную жизнь просвещённых кругов; и «столыпинский», вызванный к жизни широким протестным движением, но представляемый как воплощение умеренной консервативно-либеральной программы⁴.

У А. Медушевского мы находим интересный фрагмент о споре между Львом Толстым и Петром Столыпиным о значении частной собственности на землю. Толстой, стремившийся выразить чаяния крестьянской массы, последовательно выступал в защиту крестьянской общины (разрушаемой столыпинской реформой) и за то, чтобы сделать «пользование землёй одинаково доступным всем». Отвергая все проекты земельной реформы (выдвинутые как левыми, так и правыми партиями), Толстой предлагал ввести собственность «всего народа на землю»⁵. Таким образом он рассчитывал лишить почвы революционные идеи и вообще возможную революцию. Столыпин же возлагал надежды на «врождённое чувство собственности» и полагал возможным постепенное распространение норм гражданского права на всё население страны.

Как известно, то, что в итоге было воплощено в жизнь, оказалось — в определённой мере — ближе именно представлениям великого русского писателя. Национализация

земли была связана уже с новой эпохой в жизни страны — эпохой, провозгласившей радикальный разрыв с прошлым. Планы пришедшей к власти группировки включали и ликвидацию частной земельной собственности, и искоренение частного предпринимательства. В определённом смысле почва для революционных идей, действительно, была ликвидирована, поскольку реализован был наиболее радикальный проект. Помимо этого, большевики реально стремились и модернизировать промышленность. С учётом предложенной классификации можно сказать, что «большевистская модель реформ» более всего напоминала «петровскую», связанную с неправовым принуждением. Юрий Пивоваров пишет: «Коммунисты занялись модернизацией страны, заковав её в рабство. Они поварварски взялись за дело, которое цивилизованно делали Витте и Столыпин»⁶.

Отметим тут попутно, что модернизации по-советски (или по-большевистски) сопутствовали выхолащивание и принижение права, принятие советских конституций, игравших сугубо номинальную роль. Эти конституции и декоративные верховные советы должны были служить ширмой для террористической диктатуры, разных форм тоталитарного режима, в то время как Столыпину и его преемникам на посту главы правительства приходилось иметь дело со слабым, но вполне самостоятельным многопартийным парламентом и реальной системой права. Таким образом, более или менее последовательное развитие оказалось прервано. С точки зрения истории конституционализма воцарение советского строя означало откат примерно на полтора столетия назад.

2. О влас­тесобственности

Нас в этом случае интересует именно правовой (или даже экономико-правовой) аспект модернизации по-большевистски. В ходе неё вопрос о собственности получил определённое решение, воплотился в некое явление. Это явление Ю. Пивоваров относит к сущности большевистского режима, «советской власти», именно той сущности, которая — в несколько изменённом виде — и была унаследована властью постсоветской. Эта сущ-

⁴ См.: Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 84–85.

⁵ Там же. С. 134–135.

⁶ Пивоваров Ю. С. Указ. соч. С. 37.

ность — слияние власти и собственности. Или, иными словами, возможность лица или группы лиц, обладающих государственной властью, владеть и распоряжаться любым объектом собственности на территории страны.

Ю. Пивоваров приводит соображение американского историка Ричарда Пайпса, который один из первых дал весьма чёткое определение данного феномена: «Россия принадлежит *par excellence* к той категории государств, которые политическая и социологическая литература обычно определяет как “вотчинные” (*patrimonial*). В таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель является одновременно и суверенном государстве, и его собственником. Трудности, с которыми сопряжено поддержание режима такого типа перед лицом постоянно множющихся контактов и соперничества с Западом, имеющим иную систему правления, породили в России состояние перманентного внутреннего напряжения, которое не удалось преодолеть и по сей день»⁷.

Ю. Пивоваров предлагает даже новое понятие для обозначения данного феномена: «властесобственность». Оно представляется нам удачным.

Неразделённость собственности и власти (собственности, прежде всего, на объекты недвижимости, а власти административной, чиновничьей) стала, вероятно, тяготить представителей политической элиты советского режима — на каком-то этапе его развития. Ю. Пивоваров пишет: «В конечном счёте, большевики пришли к такой форме властесобственности — “общенародная собственность”. То есть всё принадлежит народу. Конечно, на самом деле всё принадлежало номенклатуре. Но это “всё” было в высшей степени ограничено. По наследству не передашь, пользоваться можно тайно. В целом — твоё. Или — твоё временно, твоё неофициально»⁸.

Тут мы подходим к одному важному выводу, уже нашедшему отражение в российской литературе: выводу о том, что сама перестройка конца 1980-х годов, в сущности (именно «в сущности»), была бунтом номенклатуры, вполне созревшей до обладания

полноценными богатствами на правах полноценной собственности. Пивоваров даже использует для обозначения этого события термин из идеологического арсенала марксистов — получается выразительный образ: «Наши менеджеры (номенклатура) сумели перейти в совершенно новое качество, сбросив с себя пролетарские оковы — принципиально бессобственническую Систему. Кроме того, пролетарии-номенклатурщики захватили не просто собственность, “просто” в России не бывает. Они овладели властесобственностью, т. е. и государством, и экономикой. Вообще-то они пользовались всем этим и до революции 1989—1993 гг. Но именно “пользовались”, а не владели и не могли передать по наследству своим детям. Ныне — могут... Сторонники старой советской Системы на чём свет ругают М. С. Горбачева и его приспешников: они-де оказались слабаками, предателями, неадекватными, неумехами и т. п. “Ничего подобного”, — с возмущением возразим мы. Напротив, М. С. Горбачев и ведомое им руководство КПСС возглавили великий номенклатурный поход, номенклатурный транзит из страны (Системы) временно-условного обладания в страну (Систему) полновесно-правового владения и распоряжения...»⁹

Разумеется, к номенклатурной революции демократические реформы конца 1980-х годов никак не могут быть сведены: «Права человека, правовое государство, политический плюрализм и толерантность, рыночная экономика и частная собственность, причастность к европейской цивилизации, высшие моральные (религиозные) ценности — вот что было написано на знаменах освободительного, антисоветского и антикоммунистического демократического движения. У этого движения было два главных отряда — свободолюбивая интеллигенция (ядро — диссиденты-инакомыслящие) и прогрессивная номенклатура»¹⁰.

Тут мы всё же решимся на определённое уточнение. При том, что объективно интересам части (всё же только части!) правящего слоя в СССР отвечали новые отношения собственности, номенклатурный слой в массе своей к этим отношениям не был вполне

⁷ Цит. по: Пивоваров Ю. С. Указ. соч. С. 167.

⁸ Там же. С. 170.

⁹ Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 52—53.

¹⁰ Там же. С. 54.

готов. Эти люди, занимавшие разные этажи административной власти, в общем, плохо представляли себе, к чему перестройка и демократизация могут привести. Да, действительно, некое очень смутное недовольство зыбкостью своих прав, зыбкостью своего материального положения у части высших функционеров точно существовало. Некая неясность, а точнее, ненадёжность понятия «социалистическая собственность», равно как и права пользования госдачей, вызывали фрустрацию. Но в условиях того режима люди из номенклатуры довольно смутно представляли себе выход из создавшегося положения. Революционный процесс шёл мимо них. Главную роль в нём играла городская интеллигенция, а с 1989 года — ещё и лидеры рабочего движения. Номенклатурный же слой разделился на множество групп, причём в революционных событиях участвовала самая малая их часть.

А. Медушевский в своём объёмном и детальном исследовании охватил и такой пласт, как дискуссия о собственности в ходе заседаний съездов народных депутатов в 1989—1990 годах. Он констатирует у советской элиты отсутствие «рационального представления о собственности как правовом понятии» и «преобладание в целом метафизического и идеологизированного, т. е. вполне иррационального её понимания, восходящего к устойчивым стереотипам традиционалистского коллективизма»¹¹. И всё же итогом дискуссии можно было считать «осторожный отказ от “социалистической собственности”, потому что собственность — везде собственность»¹².

С последним выводом трудно не согласиться.

В связи с этим А. Медушевский перечисляет семь «основных теорий», объясняющих причины краха советского режима и государства, именованного «СССР», и находит серьёзные недостатки у каждой из них. В итоге он констатирует, что «полноценное объяснение возможно с позиций аналитической истории, опирающейся на методы когнитивной теории». И далее формулирует свои собственные соображения — в основном методологического характера. Вообще, каждый из

отмеченных им факторов (рост национализма на окраинах СССР, изменение национально-демографической ситуации, коллапс социалистической экономики, кризис модернизации, внешнее давление и др.) сыграл свою серьёзную роль в процессе кризиса и крушения режима и может стать предметом отдельного анализа.

Попробуем тут сформулировать нашу точку зрения на данную проблему, тем более что она всё чаще делается предметом острой политической полемики.

На наш взгляд, следует акцентировать внимание на том, что в 1985 году М. Горбачёв оказался перед лицом тяжёлого экономического кризиса, выражавшегося и в дефиците бюджета огромного государства, и в явном технологическом отставании. Фактически под угрозой оказалось дальнейшее развитие страны и, в частности, модернизация экономики. Это позже признавалось и самим Горбачёвым, и его оппонентами.

Но попытки правящей группы стимулировать рост (в частности, с помощью эмиссии) не дали ощутимого результата. К тому же в 1986 году началось снижение цен на нефть. Горбачёву и его ближайшим соратникам, вероятно, к этому времени стало ясно, что без глубоких реформ уже не обойтись. Демократизация, начатая в 1988 году, судя по всему, должна была расширить социальную базу таких реформ. Но полного согласия внутри правящей группы по поводу их направленности и содержания, кажется, не было до самого конца. Социальная база перестройки, действительно, расширилась. Но к 1990 году кризис приобрёл уже самые тяжёлые формы — прежде всего речь шла об остром товарном дефиците, который был следствием скрытой инфляции. Из пятнадцати республик, входивших в Союз ССР, в шести — в результате вполне реальной демократической реформы — сформировались широкие оппозиционные движения, допускавшие выход из Союза. Его окончательный распад, то есть крах попыток сохранить в едином государстве хотя бы девять республик, был связан в основном с рядом вполне конкретных событий 1991 года. Прежде всего, с путчем ГКЧП и явным стремлением руководства крупнейшей республики — РСФСР — стать самостоятельным государством, не обременённым никакими союзными обязательствами.

¹¹ Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 328—329.

¹² Там же. С. 330.

Таким образом, исходным условием развала Союза стал, на наш взгляд, тяжёлый экономический кризис, из которого союзное руководство пыталось выйти, не решаясь на переход к рыночной экономике.

На этот переход, как известно, решились новые руководители Российской Федерации. Новой экономике должна была соответствовать новая правовая система. Формально были созданы все условия для построения правового государства. В российскую Конституцию была инкорпорирована Декларация о правах человека, была начата судебная реформа. При этом пришедшая к власти группа содействовала в ходе приватизации установлению контроля над важнейшими активами (прежде всего, в нефтегазовой отрасли и металлургии) узкого слоя предпринимателей, близких (точнее, приблизившихся) к власти. Эта группа нуворишей оказалась в привилегированном положении. Но в то же время эти люди в полной мере могли почувствовать свою зависимость от власти. Их положение оказалось весьма зыбким. И если при первом российском президенте крупные собственники фактически были самостоятельной силой, пытавшейся влиять на власть (что было весьма популярной темой), то при втором президенте самым крупным собственником снова стала сама власть. «Властесобственность» вновь оказалась осязаемой реальностью.

Власть (в лице главы государства и его ближайшего окружения) дала понять, что именно она и является фактическим (а не номинальным) хозяином любых крупных активов и что при наличии у неё намерения как-либо распорядиться любым объектом собственности не будут иметь значения никакие документы, свидетельствующие о правах и титулах. Роль судов в таких случаях свелась к оформлению начальственной государственной воли.

Что касается правосудия в целом, то в течение первого десятилетия постсоветского режима, действительно, возникли определённые предпосылки для финансовой и политической независимости судебной системы от системы административной. Но в последующие 15 лет от этой независимости не осталось и следа. Администрации всех уровней (от президентской до районной), используя необходимые рычаги (назначение судей, председателей судов и их замов, финансовое давление

и т. п.), подчинили себе судей, покончив заодно и с принципом разделения властей.

Целый ряд судебных процессов, фигурантами которых были крупнейшие предприниматели (вроде Ходорковского, Гучериева, Чичваркина, Евтушенкова, Каменщика и др.), показал бизнес-сообществу, а заодно и рядовому гражданину, что право собственности — в классическом смысле — в государстве не защищено. То есть оно вроде бы существует — пока его субъект не вызвал раздражения у того или иного агента государства.

Как следствие, чиновники самых разных уровней (опять же, от глав министерств и ведомств до глав районных администраций, их замов и руководителей департаментов) стали обладателями огромных состояний.

Ю. Пивоваров пишет: «Феномен властесобственности на этот раз возродился в самой чистой, ещё более чистой, чем та, о которой мечтали первокоммунисты, форме — без всяких ограничений. Сегодня мы не обнаружили ни агрессивного жёсткого мировоззрения, обуздывающего властесобственность, ни тех или иных религиозно-культурно-профессиональных запретов»¹³. Впрочем, есть некоторые нюансы. «Властители сами стали собственниками в особо крупных размерах, но не частными собственниками в классическом смысле. Поскольку, если они начинают выпадать из власти или, упаси Боже, конкурировать с ней, их гонят вон или сажают»¹⁴.

3. О конституционном кризисе

То, что такое положение ненормально и что оно служит одним из факторов стагнации — и в экономике, и в политике, сомнений не вызывает: «Современная “чистая” и без всяких ограничений властесобственность не сможет долго существовать. Ей всё равно придётся как-то меняться, на наш взгляд, вряд ли в сторону полного исчезновения. Скорее, она “придумает” себе какой-нибудь доселе неизвестный ограничитель»¹⁵.

Может ли служить таким ограничителем Конституция Российской Федерации 1993 года? Насколько позволяет судить опыт двух десятилетий её действия — нет. Изначальное

¹³ Пивоваров Ю. С. Указ. соч. С. 171.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 172.

ослабление в ней роли парламента и усиление президентской власти, а также последовательное усугубление этого исходного дефекта действиями всех трёх российских президентов практически полностью исключили ограничительную, то есть основную — функцию Конституции.

Ю. Пивоваров отмечает: «В силу различных, но совершенно реальных социальных и прочих причин все три российских президента (Б. Н. Ельцин, В. В. Путин, Д. А. Медведев) — разумеется, с разной интенсивностью и последовательностью — резко ограничили... демократические, либеральные возможности Конституции и усилили властно-авторитарные. При этом, используя свои практически неограниченные полномочия (по той же Конституции), они произвели ряд принципиально недемократических и даже отчасти антиконституционных (по духу) нововведений, естественно, закрепив их юридически»¹⁶.

Сформировавшаяся авторитарная конструкция власти, как мы знаем, может вызывать различные эмоциональные оценки, но сущность её ни у кого сомнений не вызывает.

Примечательно, как в этом плане близки оценки двух цитируемых нами авторов. Они сознают, что данная конструкция власти, по сути, означает возврат — нет, не в недавнее советское прошлое — но на столетие назад. А. Медушевский отмечает: «Российская форма правления представляет собой в известном смысле рационализированную версию дуалистической конституционной монархии, но не включает в то же время тех сдержек главы государства, которые присущи данной форме правления... мы предложили бы интерпретировать эту систему как “мнимый конституционализм”»¹⁷.

У Ю. Пивоварова мы находим схожие выводы: «...Конституция 1993 г. есть “ремейк”, в основном и в целом, конституционных идей и практики дореволюционной России. В особенности это касается организации функционирования власти. Главное сходство конституций 1906 и 1993 гг. (и в то же время главное отличие от основных законов европейских стран) заключается в поставленной над системой разделения властей фигуре императора — президента. <...> К чему же это при-

вело? ...К превращению законодательных, исполнительных и судебных органов власти в некие комиссии при президенте»¹⁸.

В данном отрывке, говоря о «конституции 1906 г.», автор имеет в виду Основные государственные законы в редакции от 23 апреля 1906 года: этот акт, действительно, можно считать первой российской конституцией, поскольку он впервые установил определённые формальные ограничения для власти монарха. Но ограничения, фактически легко преодолимые, оставлявшие палаты фактически в роли совещательных органов, позволявшие монарху оставаться вне системы разделения властей. Нечто подобное произошло и через сто лет.

Данные оценки, которые мы вполне разделяем, означают вступление российского государства в затяжной, медленно развивающийся кризис. В значительной мере он обусловлен разрывом между положениями Конституции и реальностью. Условием выхода из кризиса и перехода к модернизации являются восстановление и защита ряда фундаментальных прав, закреплённых в Конституции, но либо полностью игнорируемых государством, либо соблюдаемых выборочно, по случаю, в зависимости от отношения власти к субъекту права. Речь идёт о защите как комплекса политических прав, так и права частной собственности.

Важнейшая задача (вероятно, задача на перспективу) — восстановление правового характера государства. Но каков может быть инструментарий, адекватный поставленной задаче? Если речь идёт именно о правовых инструментах, то основное значение будут иметь новые законы, регулирующие порядок назначения и деятельности судей, укрепляющие независимость судов, а также нормы, усиливающие роль парламента. В последнем случае возможны и поправки к Конституции — главному источнику парламентского права. Ю. Пивоваров, размышляя о данной проблеме, выдвигает жёсткую альтернативу: «Возможны два варианта развития событий. Либо общество и власть договорятся об изменении Конституции и приведении её в соответствие с принципом народного суверенитета, либо в России в той или иной форме начнётся гражданская война. Значит, остаёт-

¹⁶ Пивоваров Ю. С. Указ. соч. С. 182.

¹⁷ Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 397–398.

¹⁸ Пивоваров Ю. С. Указ. соч. С. 180–182.

ся единственный путь — изменение Конституции. При этом надо иметь в виду, что если в поисках нового, более совершенного и адекватного политико-правового устройства хотя бы потенциально будет возрождена конструкция двоевластия, мы вновь заложим мину замедленного действия. Ревизия действующей Конституции есть не только перераспределение власти в пользу законодательных и судебных органов, не только “вписывание” института президента в систему разделения властей. Это сложная и тонкая работа по созданию очень дифференцированного, очень сложного механизма сдержек и противовесов»¹⁹.

А. Медушевский чуть более осторожно, но более конкретно говорит о возможности постепенного перехода от системы с однозначным доминированием президентской составляющей (в рамках смешанной формы правления) к президентско-парламентской или даже парламентарно-президентской модели. Это, по его мнению, позволит ставить вопрос о конституционной ответственности правительства²⁰.

Но перспектива подобной реформы сегодня выглядит весьма туманно. Российское государство в нынешнем его состоянии более всего заинтересовано именно в сохранении *status quo*, подразумевающего и монополию на власть одной группы, и зависимость судов от администрации, и выборочное отношение к конституционным правам. Данная авторитарная модель в конце-концов получает и идеологическое обоснование. Доводы в её защиту сводятся в основном к тому, что Россия имеет право на самобытные институты и самобытную демократию, не отвечающие европейским стандартам. «Самобытность» сводится, как правило, к ограничениям реальной политической конкуренции, а также конституционных прав на митинги и демонстрации, на свободу массовой информации. Таким образом, разговоры о «самобытности», вроде бы вполне оправданные, прикрывают в реальности вполне конкретную групповую или персональную корысть — стремление конкретного лица либо группы править бесконтрольно и бессрочно.

Представляется уместным привести здесь рассуждение Валентины Лапаевой, разбирающей позицию сторонников *status quo* (противников модернизации правовой и политической систем) с теоретической точки зрения — в рамках дихотомии «модерн—постмодерн». В. Лапаева пишет: «Применительно к правовому развитию логика постмодернизма состоит в следующем: поскольку закон и суд, говорят они, в той или иной форме существуют в разных странах и в разные исторические эпохи, то существует и разное право, и разное правосудие. И если эти нормативные системы и эти институты разрешения правовых споров эффективно справляются со своими функциями, то нет никакого смысла сравнивать их с европейским правом и правосудием, потому что они представляют собой равноценную альтернативу западноевропейской правовой системе. Очевидно, что такой подход ограничен рамками позитивистской парадигмы правового мышления. Он рассматривает право с позиций юридического позитивизма в его легистской либо социологической, антропологической или психологической версиях, трактующих право как закон или как фактически сложившиеся социальные нормы, отношения, формы сознания и т. п. Отрицание наличия единого вектора правового развития связано в конечном итоге с отрицанием наличия того, что в философско-правовой традиции называется сущностью права»²¹.

Конечно, и опыт законодательства или правоприменительной практики в государствах ЕС или США можно и нужно воспринимать критически и осмысленно. Но, отмечает В. Лапаева: «Если мы хотим иметь позицию для критической оценки западноевропейской правовой практики, то это должна быть более высокая общечеловеческая правовая позиция, использующая в качестве критерия оценки принцип формального равенства, а не доправовые по своей сути доморощенные представления о некой российской правовой самобытности»²².

Но может быть, что всё же данное тяготение власти в России к авторитарным методам, к внеправовому принуждению и внеконституционному (по сути) положению Первого

¹⁹ Пивоваров Ю. С. Указ. соч. С. 185.

²⁰ См.: Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 405.

²¹ Лапаева В. В. Указ. соч. С. 74–75.

²² Там же. С. 77.

лица есть часть российской правовой традиции, наследие многих поколений россиян — носителей монархического сознания? В связи с этим одним из самых обсуждаемых остаётся вопрос о том, в какой мере современные трудности либеральных реформ определяются именно этой традицией, а в какой сама эта традиция (или, точнее, разные её интерпретации) является идеологически конструированным явлением.

Ответим однозначно: конечно, такая традиция есть, она не выдумана, не «сконструирована». И она, действительно, создаёт препятствия в конституционном ограничении государственной власти. Но она есть то, что с нашей точки зрения нуждается в преодолении или по крайней мере в серьёзной трансформации. Право должно вытеснить традицию внеправового принуждения. Это именно та постановка вопроса, которую сформулировали русские либеральные и консервативные авторы (в основном оставшиеся монархистами) примерно столетие назад. Мы тут и не пытаемся претендовать на новое слово в теории конституционализма в России. Это слово уже давно было сказано.

И деятельность земских учреждений, и работа первых четырёх Государственных дум, и опыт законотворчества тех лет, и работа Временного правительства — это проявления и вехи развития уже совершенно другой традиции. Традиции, связанной с принятием ценностей равенства всех перед законом (независимо от сословного положения или близости к власти), ограничения власти, разделения властей.

Таким образом, мы видим необходимость принятия и развития именно этой, относительно новой и вполне демократической (или либерально-консервативной) традиции и отказа от самобытности, заключающей в себе тягу к самовластью и самодержавности. Стремление уйти от общепринятых правовых стандартов именно к такой «самобытности», от общепризнанных принципов и норм международного права к изоляции означает уход от правового государства к полицейскому. И это достаточно серьёзная угроза. Альтернативой модернизации правовой системы является авторитаризм и автаркия.

О тенденции к самоизоляции, к изоляции от сообщества демократических государств следует сказать особо. Эта тенденция госу-

дарственной жизни, блокирующая процесс модернизации как в экономическом, так и в политическом смыслах, коренится в относительно недавнем прошлом, в советской эпохе. Конкретнее, она — наследие сталинского периода в истории страны: её не следует выводить из истории Российской империи, когда российская элита считала себя неотъемлемой частью элиты европейской.

За десятилетия искусственного противопоставления тоталитарного режима, загримированного под «реальный социализм», всему остальному миру, но прежде всего сообществу демократических государств, у целого социального слоя в России выработался набор стереотипов в восприятии внешних врагов (если упрощенно, США и их союзников), замешанный на чувствах страха, неприязни и скрытом комплексе неполноценности. Такой набор стереотипов, выработанных в эпоху «холодной войны», как оказалось, может быть легко восстановлен и в совершенно иную эпоху — чтобы выполнять ту же функцию, обосновывать самоизоляцию.

Для использования этого набора стереотипов потребно полное подчинение государству крупных (как, впрочем, и не самых крупных) СМИ. Это условие пропагандистского обеспечения политического режима — тоже из советской эпохи. Давление на СМИ осуществляется как методом прямого диктата (рекомендаций, которые нельзя не выполнить), так и с помощью изменения состава редакций либо состава собственников — что следует считать одним из признаков существующей всё же рыночной экономики. Но действующий в её пределах рынок СМИ, по сути дела, лишён возможностей свободного развития. Логика отношений государства с акторами этого рынка — это, в сущности, логика отношений, построенных на силе, а не на праве.

На наш взгляд, всё перечисленное следует считать элементами архаики в политической жизни. Они блокируют какие бы то ни было модернизационные процессы.

Другая угроза данным процессам — стагнация в экономике. Незащищённость прав означает незащищённость и права собственности. На самом деле, одним из важнейших факторов кризиса стало постепенное ухудшение делового климата в стране, ослабление (или даже исчезновение) судебных гарантий

от произвола силовых структур. Значительная часть предпринимателей осознала свою полную уязвимость.

Мы хотели бы здесь подчеркнуть, что обмен мнениями по данной проблеме давно уже вышел за рамки сугубо академической дискуссии. Доводы и контрдоводы по этой теме звучат сверхактуально. Причём это тот случай, когда внутрироссийский спор вызывает серьёзный интерес и у западных авторов. На Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге в июне 2016 года американский историк науки Лорен Грехэм, пытаясь объяснить неудачи российской экономики в деле модернизации, высказал ряд ключевых тезисов, касающихся проблем права и правовой системы: «...Руководители России пытаются провести модернизацию, но, к сожалению, в русле своих предшественников — царей и советских руководителей. Они пытаются отделить технологии от социополитических систем. <...> Что это за элементы культуры, которые позволяют идеям превращаться в коммерчески успешные предприятия? Это демократическая форма правления. Свободный рынок, где инвесторам нужны новые технологии. Защита интеллектуальной собственности, контроль над коррупцией и преступностью. Правовая система, где обвиняемый имеет шанс оправдаться и доказать свою невиновность. Культура эта позволяет критические высказывания, допускает независимость. В ней можно потерпеть неудачу, но попытаться ещё раз. Вот некоторые из “неосязаемых” характеристик инновационного общества»²³.

Это были выводы американского историка (российские выступающие на том форуме были, как водится, осторожнее). Но, в общем, и в русской общественной мысли они давно уже сформулированы. Оценки даны и перспективы намечены.

Подведём итоги. Конституционный кризис, переживаемый сейчас российским государством, — это кризис разрыва между конституционными ограничениями и стремлением правящей в России группы к неограниченной и неконтролируемой власти. Данный разрыв, данное противоречие нашли отражение в работах русских авторов. И это серьёз-

ное и отрадное явление, хотя таких исследований совсем немного²⁴. Один из главных вопросов, на которые пытаются ответить их авторы: почему очередная попытка создать в России правовое государство обернулась возведением основ режима личной власти? Ответы предлагаются достаточно развёрнутые. Объектами исследований оказались и концептуальные промахи авторов Конституции 1993 года, и последующая конституционная практика, постепенно усугублявшая изначальные противоречия. В конечном счёте именно воля глав государства, стремившихся в течение последних 20 лет избавиться себя от любых сдержек и ограничений, воля, не встретившая серьёзных возражений со стороны политической элиты, и стала решающим фактором утраты государством как таковым правового характера (если, конечно, допустить, что оно этот характер в какой-то мере и на какое-то время приобрело).

Возвращение на путь строительства правового государства и оживление демократических институтов в любом случае тоже требуют воли политической элиты. Но вряд ли при этом можно рассчитывать на тех, кто фактически свёл работу указанных институтов к имитации. И элита, и общество остаются расколотыми, причём стремление к тем или иным формам самоизоляции от общества правовых государств может пользоваться достаточно большой общественной поддержкой (в немалой степени обеспеченной государственными СМИ). В то же время мо-

²⁴ Упомянем тут также ряд недавно вышедших интересных статей, рассматривающих различные аспекты этой проблематики: *Страшун Б.* Эволюция института конституционного контроля в России: от надзора к правосудию // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3 (112). С. 94–113; *Исаков А.* Модель архаизации политического процесса на материалах постсоветской политической эмпирики // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhumala/2013/12/politika/isakov.pdf (дата обращения: 14.10.2016); *Розов Н. С.* Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 139–156; *Jakobson L. I., Rudnik B., Toepler S.* From Liberal to Conservative: Shifting Cultural Policy Regimes in Post-Soviet Russia // International Journal of Cultural Policy. 2016. Published online on 30 May. P. 1–18. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/10286632.2016.1186663> (дата обращения: 14.10.2016).

²³ URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/06/19/rossiya-rodina-slonov.html> (дата обращения: 14.10.2016).

дернизация означает признание универсальности ряда ценностей, прежде всего фундаментальных прав человека, причём не на словах, а на деле. Отказ государства от этих ценностей крайне опасен не только для его граждан, которые становятся бессильными и уязвимыми перед аппаратом насилия, но и для самого государства, которое, в конечном счёте, не сможет противостоять стагнации и отсталости.

Библиографическое описание:

Шаблинский И. (2016) Российские авторы о двух десятилетиях реформ, конституционном кризисе и модернизации // Сравнительное конституционное обозрение. № 5 (114). С. 137–147.

Russian authors about two decades of reforms, constitutional crisis and modernization

Iliya Shablinsky

Doctor of Science in Law, Professor, Faculty of Law, National Research University – Higher School of Economics (e-mail: ishablin@yandex.ru).

Abstract

The article includes the review of some prominent researches devoted to the problems of evolution of political regime in Russia and published in last five years. The main subject of analysis – the reflections of Russian authors on the problems of the democratization in 1980–1990, collapse of USSR, evolution of the political and law institutes in Russian Federation. According to author of the article, Russian historians and philosophers have quite explained the reasons of the unfortunate results of the reforms, attempts of modernization. The pressing issue of the economic modernization of Russia is impeded by the political system of Russia which rejects all the attempts to modernize it. The existing contradiction has resulted from the process of the formation of market institutions and mechanisms under the conditions of absence of political culture of democracy. The interests of the political and bureaucratic elite are poorly compatible with democratic institutions. The political circles simulate democratic reforms by way of creating institutional simulacra. Russia's political system is built on surrogates, including new laws and political parties, which create the illusion of shared power among the population. Nowadays, there is no need to justify and ground the recog-

nition that no modernisation is possible in Russia without reforming its political system. It is recognized by some Russian scholars, analysts, and politicians. However, the paradox and dramatic character of the situation is that the issue of the modernization is not consistent with the structure of the Russian political system which, institutionally and procedurally, accords only with the regime concentrating all processes on the vertical of the executive authority and is, for the time being, successfully rejecting all attempts to modernize it.

Keywords

modernization; evolution of political regime; reforms; democratization; human rights; private ownership.

Citation

Shablinsky I. (2016) Rossiyskie avtory o dvukh desyatiletiyakh reform, konstitutsionnom krizise i modernizatsii [Russian authors about two decades of reforms, constitutional crisis and modernization]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*; no. 5, pp. 137–147. (In Russian).

References

- Isakov A. (2013) Model' arkhazitsii politicheskogo protsessa na materialakh postsovetskoy politicheskoy empiriki [Model of Gaining Archaic Style Features in the Political Process: Case Study of the Post-Soviet Political Experience]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 12. Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/12/politika/isakov.pdf (accessed 14.10.2016). (In Russian).
- Jakobson L. I., Rudnik B., Toepler S. (2016) From Liberal to Conservative: Shifting Cultural Policy Regimes in Post-Soviet Russia. *International Journal of Cultural Policy*, published online on 30 May, pp. 1–18. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/10286632.2016.1186663> (accessed 14.10.2016).
- Lapaeva V. (2009) *Pravo i politika* [Law and politics], Moscow: RAP. (In Russian).
- Medushevsky A. (2014) *Klyuchevye problemy rossiyskoy modernizatsii: Kurs lektsiy* [Key problems of russian modernization. Lecture course], Moscow: Direkt-Media. (In Russian).
- Pivovarov Yu. (2014) *Russkoe nastoyashchee i sovetskoe proshloe* [Russian present and soviet past], Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh issledovaniy; Universitetskaya kniga. (In Russian).
- Rozov N. S. (2016) Neopatrimonial'nye rezhimy: raznoobrazie, dinamika i perspektivy demokratizatsii [Neopatrimonial Regimes: Diversity, Dynamics and Prospects of Democratization]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 139–156. (In Russian).
- Strashun B. (2016) Evolyutsiya instituta konstitutsionnogo kontrolya v Rossii. Chast' 2. [Evolution of Constitutional Review in Russia: From the Night Watch to Constitutional Justice. Part 2]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 3, pp. 94–113. (In Russian).